

Даже отвлекаясь от сервильного тона по отношению к «бого-мудрым монархам», трудно представимого в устах Радищева, нельзя не вспомнить опять-таки о «Путешествии», где в первой части главы «Подберезье» в речах семинариста дается трезвая, резко критичная оценка современного состояния образования и просвещения в России:

«Сколь великой недостаток еще у нас в пособиях просвещения... Почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям ... Чему дивиться: Аристотель и схоластика донныне царствуют в семинариях... Но для чего... не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке российском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных; по крайней мере в каждом суде был бы хотя один член, понимающий, что есть юриспруденция, или законоучение» (Печ., 88—90).

Сопоставление этого фрагмента «Путешествия» (опять-таки напомним, что «Подберезье» создавалось во второй половине 1789 г., фактически одновременно с «Беседой») с заключительным абзацем статьи показывает, что и по данному вопросу оценки автора «Беседы» и автора «Путешествия» различны. Расхождение это вполне объяснимо: то, что могло казаться верхом учености монархически настроенному питомцу университетской гимназии, весьма скептически оценивалось писателем-революционером, человеком европейского энциклопедического образования.

Таким образом, подробный анализ «Беседы» (и здесь я должен принести извинения потенциальному читателю работы за вынужденное обилие цитат, необходимое именно для детального сопоставления статьи «Беседующего гражданина» с сочинениями Радищева) дает основания для окончательного заключения.

«Путешествие» и «Беседа» настолько резко контрастируют между собой, что перу одного человека принадлежать попросту не могут. Но авторство Радищева в отношении «Путешествия» — факт неоспоримый. Отсюда следует единственно возможный вывод: «Беседа о том, что есть сын Отечества» безусловно не является произведением Радищева. Таков ответ на вопрос, поставленный в названии работы.

Как же тогда возникло «показание» (или «указание») Тучкова? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что мемуарист не относился к числу близких знакомых Радищева (неизвестно даже, были ли они вообще сколь-нибудь знакомы). О всех связанных с Радищевым событиях он знал только по слухам и рассказам,